

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

I

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

- IO См. Vācaspatimītra, Tattva-vaibhāradī, 174.18.
II См. там же, 154.16-21; 155.1-5.
I2 См. Bh., I, 6-7.
I3 См. T.N.Sreekantaiya, "Imagination" in Indian Poetics, IJQ, 1937, vol.XIII, N 1, p.59-84; S.K.De, Sanskrit Poetics as a Study of Aesthetic, Bombay, 1963, p.33-47.

З.Я.Ханин

ПРОБЛЕМА ДИСКРИМИНАЦИИ ПАРИЕВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ БУРЖУАЗНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИИ В ЯПОНИИ

Стремящаяся к политической власти буржуазия в борьбе против феодальной структуры общества в качестве одной из основных обычно ставит задачу уничтожения сословной иерархии, которая ее сконвует и прищипывает. Так называемая реставрация Мэйдзи в 1868 году в Японии приоткрыла двери для буржуазных преобразований в стране. Однако при этом сложилось на первый взгляд довольно парадоксальное положение: пришедшие к власти буржуазные реформаторы не только не разрушили сословное деление общества, но приложили много усилий для его сохранения, а сегрегацию париев (дискриминируемой в течение сотен лет части населения страны) они практически даже усиливали.

Первые политические лидеры эпохи Мэйдзи (1868-1912 гг.) - представители клановой аристократии, хотя и относились более терпимо к усилению в стране буржуазных порядков и часто даже сами решались на занятие предпринимательской деятельностью, вовсе не стремились к радикальным социальным переменам в стране. Непоследовательность их политики выразилась в настойчивых попытках совместить несовместимое: создать мощную капиталистическую экономику и новую армию, сохранив при этом все свои привилегии и основы старой социальной структуры, в том числе и сегрегацию париев.

В политических и общественных кругах Японии проблема дискриминации париев впервые в ее истории отчетливо прозвучала лишь в

1837 году во время восстания в Осака под руководством политического деятеля новой формации Осиро Хэйхатино (1796—1837 гг.), который проявил достаточную гражданскую смелость, обратившись с прямым воззванием к жителям бураку — поселений, в которых проживали парии. Сторонники реформ из княжеств, борющиеся в 60-х годах XIX века против сёгуната, обещали служившим в их военных ополчениях париям полное освобождение после своей военной победы. Но придя к власти, приверженцы перемен в стране пытались как можно меньше вторгаться в социальную сферу. Однако, встав на путь реформ, они оказались вынужденными идти по нему все дальше. Решая даже, казалось бы, второстепенные вопросы, они часто поневоле уделяли внимание и более важным. Так, в частности, произошло с проблемой париев, которую вначале они целиком игнорировали.

Когда в 1869 году в правительственных кругах обсуждался, на первый взгляд, чисто технический вопрос о пересмотре размеров старой единицы длины (ри), там неожиданно разгорелась дискуссия по проблеме сегрегации париев. Дело в том, что одной из парадоксальных и диких форм пренебрежения к жителям бураку в эпоху Токугава (1603—1868 гг.) было исключение из географических карт и путеводителей названий и всех необходимых параметров (длины по дорогам и площади по району) особых поселений. Таким образом искажалась общая топографическая картина страны, что после 1868 г. стало нетерпимым. Вполне естественно, что развернувшаяся по этому вопросу дискуссия распространилась на все стороны проблемы, и было выдвинуто предложение решать ее комплексно. Какие же в этом отношении имелись возможности?

Сами парии не имели тогда своей политической организации и четкого представления о возможных путях освобождения. Они лишь стихийно стремились к нему, изредка обращаясь к властям с соответствующими петициями. Не было в то время и демократических организаций других слоев населения (горожан и крестьян), а рабочий класс как самостоятельная политическая сила еще вообще не сформировался. Весьма ощутимым было прочно укоренившееся в широких народных массах предубеждение против жителей бураку. В этих условиях единственной действенной реформирующей силой оказались господствующие круги, которые в деле преобразований в бураку были тогда готовы на очень немногое.

Некоторые имеющиеся в нашем распоряжении официальные документы

дают достаточно четкое представление о невысоком уровне анализа проблемы париев и о неспособности и нежелании властей найти действенные пути к ее решению. Так в одном из опубликованных в 1869 году проектов отмены оснований париев его автор решился признать, что эта и хинин (две основные группы дискриминируемого меньшинства) в общем такие же люди, как и все остальные. Но необходимость отмены их сегрегации он определяет не этим обстоятельством, а неизбежным, по его мнению, презрением к Япония со стороны иностранцев в случае, если дискриминация в стране сохранится. И вместе с тем, высказав такую идею, автор не смог указать какие-либо приемлемые пути решения этой сложной социальной проблемы¹.

В другом, появившемся в печати в 1871 году, официальном послании властям уже были высказаны некоторые соображения о возможных способах уничтожения сегрегации жителей бураку. Его автор, либеральный политический деятель той эпохи, Оэ Таку, предлагал не просто отменить использование уничижительных названий эта и хинин, но и способствовать более широкому участию париев в отдельных отраслях производства, в первую очередь - в животноводстве, в кожевенной промышленности и торговле, а также в противопожарной и полицейской охране. Наиболее предприимчивых из их числа он считал целесообразным отправить на освоение малозабитого Севера страны. Оэ Таку предполагал, что само повышение культурного, профессионального и нравственного уровня жителей бураку постепенно исключит явление сегрегации из жизни общества². Ограниченность этого проекта вполне очевидна. По существу он имел своей целью не уничтожение дискриминации, а приспособление неизвестно сколь долго сохраняющегося презираемого сословия к нуждам буржуазного общества.

Проходившее на этом уровне идей и предложений официальное рассмотрение проблемы имело своим естественным результатом малоизвестный правительственный акт августа 1871 года - так называемый эдикт об освобождении эта и хинин, который формально отменил уничижительные названия париев и декларировал их право на свободу выбора занятий. Однако довольно скоро выяснилось, что эта правительственная мера была лишь демагогическим жестом буржуазных властей, который практически не мог уничтожить сегрегацию париев. Более того, он способствовал значительному ухудшению их экономического положения, поскольку они лишились некоторых своих прежних

привилегий (монопольного права на производство кожаных изделий, освобождения от налогов и т.д.). Но вместе с тем этот эдикт дал властям юридическое основание отменить от себя любые обвинения в безразличии к проблеме сегрегации утверждением о том, что они уже сделали все, что от них требовалось.

Фактическое обострение проблемы сегрегации вскоре косвенно вынуждены были признать и в официальных кругах. В подтверждение этого мы можем сослаться на одно публицистическое произведение, изданное в 1886 году, через 15 лет после принятия эдикта об освобождении. Его автор, националистически настроенный ответственный деятель Министерства просвещения Сугиура Дзюго, молчаливо признавая сохранение в стране острой проблемы дискриминации, предложил еще один вариант ее решения, который в первую очередь увязывался им с новыми внешнеполитическими целями буржуазной Японии. Автор проекта считал, что, если от каждой семьи презираемого сословия удастся взять по одному крепкому человеку, то можно будет создать мощную армию в 90 тысяч человек, которую весьма целесообразно использовать для захвата острова Тайвань. На захваченном острове их усилиями следовало, по мысли автора, развивать различные отрасли производства и сельского хозяйства, работающие на экспорт (животноводство, выращивание сахарного тростника и табака). Тем самым, полагал Сугиура, одновременно были бы упрочены политические и экономические позиции Японии и решена проблема париев³.

Таким образом, в Японии в начале эпохи Мэйдзи еще не было ни объективных, ни субъективных предпосылок для подлинного решения проблемы дискриминации париев. Буржуазная революция осуществлялась крайне робко, непоследовательно и нерешительно. Власти, вынужденные считаться с классовыми переменами в стране, вместе с тем, всемерно стремились сохранить старое сословное деление. Отсутствовали политические организации угнетенных слоев общества, а значительная часть буржуазных реформаторов страны была неспособна отказаться от социальных идей и предрассудков феодализма. Да и сама капиталистическая система, основанная на социальном неравенстве, не могла обеспечить радикальное решение многих оставшихся ей от прошлого болезненных общественных проблем.

В этих условиях единственное, что, смогли получить жители бураку в начальном периоде буржуазного переустройства общества, был формальный эдикт о свободе. Практически же власти сохранили

сегрегацию, стремясь использовать париев для различных нужд капиталистического государства. Поэтому крайне сложная социальная проблема сегрегации продолжала все более обостряться вплоть до начала XX века, когда постепенно стали складываться некоторые новые условия для ее решения.

¹ Сб. "Дзинкэн-но рэкиси" (История прав человека), Кобэ, 1973, т.2, с.14-15.

² Сб. "Бураку мондай сэмина" (Семинар по проблемам бураку), Киото, 1970, т.1У, с.6-8.

³ Сб. Бураку мондай сэмина, т.1У, с.10-19.

И.И.Чугуевский

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ЛИЧНОЙ ЗАВИСИМОСТИ В ДУНЬХУАНЕ

Среди найденных в Дуньхуане китайских рукописей имеется несколько документов, отражающих существование там форм личной зависимости. Фрагмент одного из таких свидетельств хранится в коллекции С.Ф.Ольденбурга под шифром Дх-1409¹.

Приведем его содержание:

В 24 день II-го месяца 6 года [эры правления/ Чжэнь-мин, в год [соответствующий циклу/ гэн-чэн (920 г. - Л.Ч.)] <составлен договор в том, что> недостаток в семье достиг такой крайности, что для дальнейшего существования нет возможностей. Поэтому, взяв ныне своего родного <сына> отдал его яя² Кан Фу-цзи лично в залог под шелк-сырец до полного расчета с займодавцем, а до тех пор [Ху-эр будет] работать работ-служгой (奴子) в счет возмещения.... Ху-эру также не будет начисляться оплата [как за работу] по найму, а когда [отец] сможет достать шелк вернется домой. С момента отдачи Ху-эра в залог [отец] не может помышлять отдать [его] в наем какому-либо [другому] подобному хозяину (если Ху-эр